9. Шлюбскі, А.А. Матэрыялы да крыўскае гісторапісі: доля кнігасховаў і архіваў/ А.А. Шлюбскі // Спадчына. – 1992. – № 4.
10. Пилипчик, В. Поверніть Білорусі награбоване! / В. Пилипчик // Пам'ятки України. – 1994. – № 1–2.
11. Центральный исторический архив г. Москвы. – Ф. 454 (Московское археологическое общество). – Оп. 2. – Д. 130.
12. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1416. – Оп. 2. – Д. 5073.
13. НИАБ. – Ф. 1416. – Оп. 2. – Д. 5377.
14. Довгялло, Д.И. Лепель, уездный город Витебской губернии: хроника минувшей жизни / Д.И. Довгялло. – Витебск, 1905.
15. Ляллькоў, І.С. Рукапісныя крыніцы Нацыянальнай бібліятэкі Францыі па гісторыі зносінаў паміж Францыяй і Вялікім княствам Літоўскім у новы час (XVI–XVIII стагоддзі) / І.С. Ляллькоў. – Мн., 1998.
16. Ляллькоў, І.С. Беларусіка XVI–XVIII стст. у зборах Дэпартамента манускрыптаў Нацыянальнай бібліятэкі Францыі / І.С. Ляллькоў // Вяртанне-6. – Мн., 1999.
17. Лозицький, В.С. Правові засади міжнародного співробітництва в галузі реституції архівних фондів і документів: історія, проблеми, перспективи / В.С. Лозицький // Архіви України. – 1997. – № 1–6.
18. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами / под ред. Ф.Ф. Мартенса. – М., 1905. – Т. 14.

Ю.И. Литвиновская

К СИТУАЦИИ В ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1812 ГОДУ

Россия и Франция задолго до 1812 г. начали подготовку к войне. В России она особенно активизировалась с 1810 года. Реорганизовывалась армия, улучшались стратегические дороги, строились новые крепости, развёртывались госпитали, создавались запасы продовольствия. Наиболее интенсивно этот процесс развернулся с весны 1812 г. На берегах Западной Двины, в Дриссе, проводилось масштабное строительство оборонительных рубежей. Только на возведении Дриссенского лагеря ежедневно было занято в качестве землекопов, плотников, пильщиков и т.д. более 2 тысяч крестьян разных поветов Витебской губернии [15, с. 63]. Форсированная подготовка России к войне, всей своей тяжестью легла, прежде всего, на плечи населения западных губерний. Бесконечные требования поставок продовольствия и фуража, ежедневные направления множества крестьян на строительные работы, стали неизбежными спутниками жизни населения Беларуси.

Весьма обременительной для населения была подводная повинность. В январе-июне, например, только через города и поветы Витебской губернии проследовало 60 воинских подразделений – бригад, полков, отдельных батальонов, команд. Каждый полк для своего обслуживания требовал около 100 крестьянских подвод. Требования выдвигались командирами абсолютно произвольно. Некоторые желали получить до 45 подвод на батальон [10, вып. 2, с. 279–280, 286, 289].

С началом войны и отступлением армии военные требования в полной мере распространяются на ряд поветов Витебской губернии, а 21–30 июня (3-12 июля) они были введены уже по всей губернии. Решением военных властей ещё от 10 (22) мая, в восьми городах, расположенных в районе Западной Двины, в том числе Витебске и Орше, началось создание крупных центров продовольствия. В каждом из них должны были быть запасы на 58 476 человек, т.е. на четыре пехотные и две кавалерийские дивизии. Со 2 (14) июля в Витебской губернии начинается спешная заготовка продовольствия и фуража. Каждый повет обязан был поставить 1 624 четверти 3 четверика муки, круп и овса соответственно по 152 и 2 100 четвертей, 21 390 пудов сена, 167 волов, 2 000 вёдер вина, 334 парных повозок и 167 подвод [1, с. 7, 72, 105].* Это бремя было чрезвычайно болезненным для

* 1 фунт = 374,82 г;1 гарнец = 8 фунтов = 3,28 л = 3 кг;1 четверть = 64 гарнца = 209,91 л = 192 кг; 1 четверть = 8 пудов ржи;1 четверик = ⅛ четверти = 8 гарнцев = 26,239 л = 24 кг.

населения, поскольку Витебская губерния являлась одним из беднейших районов Российской империи. В особенно трудном положении находился Дриссенский повет, где располагалось огромное количество войск. Повет был буквально разорён непрерывными требованиями продовольствия, фуража, подвод, рабочей силы. Уже вскоре после начала войны, в июле месяце, земский исправник жаловался губернатору, что в повете осталось 530 мужчин трудоспособного возраста, а военные требуют прислать для устройства лагеря 1 500 работников с лопатами [1, с. 103].

Пристальное внимание царские власти в Беларуси уделяли и вопросам пополнения армии в первую очередь за счёт местных молодых крестьян. На белорусские губернии распространялась рекрутская повинность, и наборы рекрутов регулярно проводились в соответствии с издаваемыми манифестами. Планы рекрутских наборов в Беларуси, как правило, всегда выполнялись. Только за 1811 г. в русскую армию было призвано – 15 128 человека [9, т. VII, с. 181–183], а в 1812–1813 гг. ещё 31 040 чел. [4, с. 144]. Рекрутский набор, объявленный манифестом от 23 марта (4 апреля) 1812 г. в Беларуси, проходил непросто. Местная шляхта вела массовую агитацию среди крестьян, уговаривая уклоняться от службы в русской армии. Население было весьма возбуждено. Крестьяне не везде шли в рекруты добровольно. Имелись многочисленные случаи побегов, искалечения. 5 (17) апреля 1812 г. князь Огинский, располагавший обширными имениями в Беларуси, ходатайствует перед царём о выделении «десятских», своего рода помощников судов и полиции, для поимки его рекрутов. Он просит Александра I дать соответствующие указания земскому суду. Огинский пишет, что уклонения от рекрутства стали массовым явлением. В Витебской губернии, пойманные беглые рекруты получали 50 ударов плетьми и отправлялись в рекрутские присутствия [14, с. 22, 294].

С началом военных действий положение ещё более усугубилось. Ситуация с набором рекрутов в Витебской губернии обсуждалась 13 (25) августа даже в Комитете министров, где отмечалось, что «в приёме рекрут происходит медленность по причине военных действий». В связи с занятием губернского центра французскими войсками витебские чиновники разъехались, казённая палата не снабдила рекрутские присутствия деньгами и раскладочными списками. «Сверх того, – отмечалось на заседании Комитета, – по слухам, распускаемым неблагонамеренными людьми, поселяне, собираясь шайками, распускают и приготовленных рекрут и принуждают к тому владельцев; везомых к отдаче отбивают от отдатчиков на дороге и причиняют им побои» [5, с. 525].

С началом войны социальная атмосфера в белорусской деревне резко накаляется. Как писал Е.В. Тарле, белорусский крестьянин восстаёт, надеясь освободиться от панского гнёта. Летом 1812 г. Беларусь была охвачена бурными крестьянскими волнениями, переходившими местами в открытые восстания [12, с. 183].

В некоторых случаях антифеодальные выступления крестьян поощрялись французскими военными. Здесь следует отметить, что вне зависимости от позиции верховного командования, рядовая масса наполеоновской армии несла с собой антикрепостнический дух и заражения им белорусской деревни помещики очень боялись. Подталкивание крестьян к выступлениям практиковалось французским командованием, как правило, в местах длительного противостояния войск, с тем, чтобы дестабилизировать обстановку в зоне боевых действий. Витебская губерния относилась к числу таковых. В Полоцком повете, например, в июле 1812 г. «Крестьяне взбунтовались, вышли из повиновения своих помещиков и, соединяясь с французскими мародёрами, разбили казённый магазейн …, потом все мызы ограбили и своих помещиков прогнали» [8, с. 61–62]. Впоследствии зачинщики волнений были преданы военному суду. Даниил Макаров, Семён Грачуха и Ларион Ку-

рашонок были приговорены к смертной казни через повешение. В целях устрашения крестьян приговор был приведён в исполнение незамедлительно в местах, где они проживали [2, с. 345].

Эти случаи не единичны. Витебский губернатор писал 8 (20) августа, что «наипаче в поветах Полоцком, Городецком и Невельском, по внушении неприятельскими войсками необузданной вольности и независимости не только многочисленные крестьяне вышли из повиновения своих помещиков, но оных ограбив и изгнав, достигли высочайшей степени буйства и возмущения, так что и земская полиция не в силах укротить их…» [9, т. XVI, с. 36]. Городокский повет был одним из главных центров антикрепостнического движения в Беларуси.

Однако не следует идеализировать поборников крестьянской вольности из французов. Их «вольнолюбие» зачастую не выходило за пределы грабежа помещичьего имущества. Следует также иметь ввиду, что французская антикрепостническая агитация, подстрекательства к самочинному освобождению носили исключительно локальный характер. И это не удивительно, ибо крестьянскую политику французов на оккупированной территории определяло правительство Франции и верховное командование, которые в данном случае соединялись в одном лице императора Наполеона.

Наполеоновская же политика в крестьянском вопросе в Беларуси была консервативной. Она означала социально-правовое статус-кво.

В 1812 г. социальные мотивы в политике французского императора были строго подчинены его политико-стратегическим расчётам. И если временами Наполеон подумывал о том чтобы собственно в России разжечь крестьянский бунт, если, как он писал «…мы сможем извлечь из него пользу…», то на территории бывшей Речи Посполитой, т.е. на литовских и белорусских землях, как отмечает польский историк М. Кукель, преобразование общественных начал должно было осуществляться на основе права, т.е. таким образом как это было сделано в герцогстве Варшавском, где в 1807 г. Наполеон ввёл «Гражданский кодекс», уничтоживший крепостную зависимость и сословные перегородки [11, с. 36]. Вместе с тем, находясь в Витебске, Наполеон имел разговор с крестьянами, в котором стремился выяснить их точку зрения на этот важнейший вопрос [7, с. 137]. Кроме того, как свидетельствует адъютант Наполеона граф де Сегюр, «В Витебске Наполеон … поручил двоим из близких себе людей выведать настроение в народе. Надо было привлечь их свободой и … втянуть их в наше дело» [13, с. 81].

Политика Наполеона в крестьянском вопросе нашла своё концентрированное выражение в одном из первых распоряжений Временного правительства ВКЛ «Воззвании к городским, уездным и сельским властям». В нем говорилось, что все крестьяне, оставившие по приходе войск свои дома, обязаны вернуться и приступить к исполнению своих земледельческих работ и повинностей. Но в тылу Великой Армии было неспокойно. «…Величайший беспорядок, царивший в сельских местностях» Витебской губернии, – отмечает маркиз А. де Пасторе, заставил местное дворянство обратиться с просьбой о восстановлении спокойствия к Наполеону, пребывавшему в это время в городе. «Летучие отряды» созданные по его распоряжению для усмирения крестьян «скоро затушили этот временный бунт» [10, вып. 3, с. 187].

Восстававшие крестьяне арестовывались и привлекались к суду. Летом – осенью 1812 г. в созданных французскими властями судах дела подобного характера занимали главное место. Их относили к категории уголовных.

Таким образом, факты свидетельствуют, что вместо ожидаемого освобождения армия Наполеона принесла в Беларусь непосильные реквизиции и грабежи.

Одних только мародёров бродило по белорусской земле и терроризировало население до 50–60 тысяч человек, то есть около десятой части вступившей в пределы Российской империи Великой Армии превратилась в бандитов, бродивших по её тылам [3, с. 105]. «Беспорядки и грабежи … были первым злом, и мы заставили крестьян чуждаться нас», – писал адъютант Наполеона Арман де Коленкур [6, с. 188].

1. Акты и документы архива Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернаторского управления, относящиеся к истории 1812–1813 гг. – Вильна: Губ. тип-я, 1913. – Ч. 2: Переписка по части гражданского управления. – 1, 128, 356 с.
2. Бабкин, В.И. Новые материалы о классовой борьбе крестьян в 1812 г. / В.И. Бабкин // Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX веков. – М.: Наука, 1969. – С. 343–350.
3. Богданович, М.И. История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам: В 3 т. / М.И. Богданович. – СПб.: Изд-е тов-ва «Общественная польза», 1859–1860. – Т. 2. – 1860. – 654 с.
4. Ерашэвіч, А.У. Уплыў напалеонаўскіх войнаў на грамадска-палітычнае жыццё Беларусі (1799–1815 гг.): Дыс. … канд. гіст. навук: 07.00.02 / А.У. Ерашэвіч. – Мінск, 2003. – 211 с.
5. Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I. 1802–1826 гг. – СПб.: Тип-я В. Безобразова и К°, 1881. – Т. 2: 1810–1812 гг. – [8], 132, XXXII, 758 с.
6. Коленкур, Арман де. Поход Наполеона в Россию / Арман де Коленкур. – Смоленск: Смядынь, 1991. – 368 с.
7. Кудряшов, И. Призрак Великой Литвы / И. Кудряшов // Родина. – 1992. – № 6–7. – С. 32–35.
8. Ливчак, Б.Ф. Народное ополчение в вооружённых силах России 1806–1856 гг. / Б.Ф. Ливчак // Свердловск. юр. институт. Учёные труды. Серия «История государства и права». Т. 4. – Свердловск, 1961. – 272 с.
9. Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-учёного архива Главного штаба. Отдел I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Издание Главного управления Генерального штаба. – СПб.: Тип-я Бережливость. – Т. VII: Подготовка к войне в 1811 г. (Декабрь месяц. Документы без дат). – 1907. – 342, XXXV с.; Т. XVI: Боевые действия в 1812 г. (Август месяц). – 1911. – XI, 283 с.
10. Полоцко-Витебская старина. – Витебск: Изд-е Витебской учёной архивной комиссии. – Вып. 2. – 1912. – 368 с.; Вып. 3. – 1916. – 330 с.
11. Попов, А. Белорусский эксперимент Бонапартия. (Что побудило французов сохранить зависимость крестьян от помещиков.) / А. Попов // Родина. – 2002. – № 8. – С. 36–39.
12. Тарле, Е.В. Нашествие Наполеона на Россию: 1812 год / Е.В. Тарле. – М.: Воениздат, 1992. – 304 с.
13. Французы в России. 1812г. по воспоминаниям современников-иностранцев – М.: Задруга, 1912. – Ч. 1. – 200 с.
14. Харкевич, В.И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников: Материалы военно-учёного архива Главного штаба: В 4 вып. / В.И. Харкевич. – Вильна: Тип-я штаба Виленского военного округа, 1900–1907. – Вып. 1. – 1900. – 255 с.
15. Шымук, Б.П. Падзеі 1812 года на Дрысеншчыне / Б.П. Шымук // Памяць: гіст.-дакум. хроніка Верхнядзвінскага раёна: у 2 кн. – Мінск: «Паліграфафармленне», 1999. – Кн. 1. – С. 62–65.

Д.Н. Петров

ФРАНЦУЗСКИЙ РЕЖИМ В МОГИЛЕВЕ ЛЕТОМ – ОСЕНЬЮ 1812 Г.

Современное международное право признает оккупацией временное занятие вооруженными силами воюющей стороны в международном конфликте территории неприятеля в период ведения военных действий. Право военной оккупации регулирует отношения между оккупирующей державой, с одной стороны, и полностью или частично оккупированным государством, с другой [3, с. 387]. Институт оккупации как правовой режим порождает целый комплекс правоотношений, которые касаются различных сфер: соблюдения законов и обычаев ведения войны, управления, правовой регламентации положения населения оккупированной территории, в целом, соблюдения нор гуманитарно-правового характера. В настоящее время режим военной оккупации детально регламентирован международно-правовыми актами, такими как Гаагские конвенции 1899, 1907 гг., Женевские конвенции 1949 г. и др. В силу этого определенный историко-правовой ин-